

Коллектив авторов

**Маяк современного просвещения и
образованности**

Часть 12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К60

К60 **Коллектив авторов**
Маяк современного просвещения и образованности: Часть 12 / Коллектив авторов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 200 с.

ISBN 978-5-517-93322-5

Труды ученых и литераторов русских и иностранных (с 1842 г. - «Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской») - литературно-политический журнал, издавался в Санкт-Петербурге в 1840-1845, ежемесячно. Издатели - В.И. Поляков, с середины 1840 г. - П.А. Корсаков и С.А. Бурачок, затем Ю.А. Юнгмейстер. Редакторы - П.А. Корсаков и С.А. Бурачек, с 1842 - С.А. Бурачек. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1840 года

ISBN 978-5-517-93322-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СЛОВЕСНОСТЬ:

СТИХОТВОРЕНІЯ.

УТѢШЕНІЕ ВЪ МОЛИТВѢ.

(Г. И. Д—НЬ—РУ..)

Когда образится вдругъ бурей чело,
И черной, какъ мглою, задернется думой
На радость тому, что внутри тяжело,
Все щемить и давить, какъ демонъ угрю-
мый
Разбитое жизнью сердце-горюхъ;
О прошлой потерѣ иль горькой утратѣ:
О другѣ, объ избранной сердцемъ, иль
братѣ
Стенаешь и рвется неложный выцунъ,
И вмѣстѣ грядущее горе пророчить,
И вѣрить, что горе желѣзной стрѣлой
То сердце занозить, потомъ захохочетъ
Надъ жалкой, и горькой безплодной мо-
бой
Возвыси, возвыси съ живымъ упованьемъ
Взоръ скорбный, но полный любви, къ
небесамъ,
И смѣло борясь съ земнымъ истязаньемъ,
Молился, молился живущему тамъ.
И вѣрь, что Господь никогда не отри-
нетъ
Горячей молитвы болѣзненный стонъ;
Тебя-ль безутѣшнаго сына покинетъ
На вольную жертву отчаянья Онъ?
Часть XX. Гл. II.

Но благостно взглянуть, склоненный мо-
лами,
И даръ облегченія съ престола пошлеть,
И будто зиждательный ангелъ крылами,
Коснется души, изъ нее извлечетъ
Зерно всѣхъ болѣзней, элеемъ желан-
нымъ
Боль язвъ умаститъ. И все станетъ свѣ-
тло.
А ты отъ грозы весь спасенный Искан-
нымъ,
Забудешь, что нило, терзало, — прошло.
Н. ФАНАРІЮТЪ.

С. Боръ
Нижегородской губерніи.

О Т Ц У.

Стансы.

Отецъ! отецъ!... таинственное слово!
И чувствую его, и понимаю я!

Часто лютый змѣй таится
Среди розовыхъ цвѣтовъ,
И огонь волкана тлится
Средь нѣтающихъ снѣговъ.

Но тернистыми стезями
Къ славѣ жребій насъ ведетъ,
И леземъ мы слезами
Счастья будущаго плодъ.

Что нашъ умъ? фонарь въ туманъ;
Но разцвѣченнымъ стекломъ
Сколько призраковъ, въ обманъ,
Мечетъ зыбкимъ онъ лучемъ.

Но заботъ и огорченій
Не смѣгчаетъ онъ ярма.
Сколько жъ бѣдствій, преступленій,
Все отъ имени ума!

Неизвѣстность и волненье
Путь земнаго бытія;
Но надежда и терпѣнье.
Въ жизни лучшіе друзья.

И. ПАЛЬМИНЪ.

HERZ! MEIN HERZ!

(Изъ Гёте)

Сердце, что съ тобой случилось?
Что запало въ глубь твою?
Новой жизнью ты забилось—
Я тебя не узнаю . . .
Все, что прежде ты любило,
Что не разъ тебя томило,
Все исчезло . . . Гдѣ покой? . . .
Сердце, сердце! что съ тобой?

Въ цвѣтѣ ль жизни образъ милой,
И взоръ полный добротой,
Свѣтлый, нѣжный, чудной силой
Оковалъ тебя собой? . . .
Я хотѣлъ бы съ нимъ разстаться,
Вновь окрѣпнуть, оторваться,
Но тотчасъ опять за нимъ
Я стремлюсь путемъ моимъ.

Противъ воли и желанья
Держитъ милая меня,
Крѣпко ниткою обаянья —
Нить порвать не въ силахъ я:
Знать, ея покорный воля,
Въ очарованной неволѣ,

Долженъ жить я . . . Что со мной? . . .
О любовь, отдай покой!

КНЯЗЬ Д. КРОПОТКИНЪ.

1840. Октябрь.

УТѢШЕНИЕ.

Ложился сумракъ одинокій;
Надъ грозной бездною я стоялъ;
На днѣ ея потокъ глубокій
По грядамъ камней пробѣгалъ.
Мнѣ было грустно, сердце ныло,
Душа рвалась къ чему-то въ даль:
Ее предчувствіе томило
И безотчетная печаль.
Прошедшихъ дней надежды, радость,
Моя родимая семья,
Любви отравленная сладость,
И свѣтлой юности друзья,
Всѣ, что похищено судьбою,
Чѣмъ жило сердце, что любилъ,
Что невозвратно схоронилъ,
Все, все предстало предо мною
А вдаль, какъ геній бѣдъ,
Въ одеждѣ траурной, грядущее стояло
И, маніемъ руки, качалось, призывало
Меня идти ему во слѣдъ . . .

Потокъ кипѣлъ, и я въ отчаяньѣ жесто-
комъ
Ужъ въ бездну броситься хотѣлъ,
Взглянулъ на небеса съ безсмысленнымъ
упрекомъ:

Хоръ дивныхъ звѣздъ на нихъ горѣлъ
Созвѣздіе Креста ярче всѣхъ сіяло.
Къ нему очами я прильнулъ:
Въ душѣ-страдальцѣ волненье затихало,
Я пролилъ слезы и вздохнулъ,
Вздохнулъ, и въ этотъ мигъ весь вдругъ
переродился:

Огонь отчаянья погасъ,
И долго, долго я и искренно молился
Тому, кто гибнущаго спасъ.

КНЯЗЬ Д. КРОПОТКИНЪ.

КОЛОМБЪ.

Плыви, о безстрашный пловецъ! Возвы-
 шаешь
 Тебя твой великій и творческій умъ!
 И кормчій, исполненный мыслей и думъ
 Усталую руку на руль опускаетъ.

На западъ! на западъ! искусства, науки
 Должны процвѣсти и возвыситься тамъ!
 И кормчій отважный, съ молитвою руки,
 Исполненъ надежды, подъялъ къ небе-
 самъ.

Реветь океанъ! Въ парусахъ корабля
 Шумитъ буйный вѣтеръ. Пловецъ огла-
 мулся
 И дѣвственный міръ передъ нимъ раз-
 вернулся.
 Все ближе, ближе, вотъ берегъ, земля!

Вѣрь въ промыселъ Божій, съ надеж-
 дой сердечной
 Молись, — голосъ твой до Небесъ долетитъ.
 Природа и гений живутъ въ дружбѣ вѣч-
 ной:
 Державный, онъ скажетъ — она совер-
 шитъ!

ГР. ПЕРЕТЦЪ.

1840 года
 27 сентября

ВОСПОМИНАНІЕ.

Другъ того, чей взоръ тоскующій
 Не задремлетъ на ложѣ сна,
 Звѣздной тверди гость кочующій,
 Солнце полвочи, луна,
 Я люблю твой ликъ божественный,
 Но не грѣетъ онъ въ ночи,
 И не властны тмы торжественной
 Разогнать твои лучи!
 Да; но есть еще сіяніе;
 Есть луна небесъ другихъ;
 Тамъ горитъ воспоминаніе
 Благъ утраченныхъ моихъ;
 При звѣздъ его негнѣющей
 Ихъ душа rozpoзнаетъ,
 Но ли искры пламеняющей
 Съ нихъ на сердце не падеть!

Н. К—НЪ.

ВОРОНЪ.

Здорово, другъ воронъ, бездомный, без-
 сонный,

Разумная птица моя!
 Сосѣдъ мой, мой воронъ, мой гость бла-
 госклонный,

Прилетъ твой привѣтствую я.
 Зачѣмъ ты такъ близко къ жилищу жи-
 ваго,

И зорко такъ въ очи глядишь?
 Или вѣщую тайну изъ міра другаго
 Ты молча на сердцѣ таишь?..
 Все знаю, другъ воронъ, вѣщунъ запоз-
 дальнѣй.

Ты поздно подошелъ подъ окно;
 Все знаю, мой воронъ, мнѣ сердце ска-
 зало,

И сердце сказало давно!
 Н. К—НЪ.

ПѢСНЯ КАЛАБРІЙКИ.

Помню, весною, въ роцѣ миндальной,
 Въ мирномъ пріютѣ дѣтскихъ годовъ,
 Бѣгать, рѣзаться, мнѣ безпечальной
 Весело было въ морѣ цвѣтовъ.
 Кудри взвѣвалъ мнѣ воздухъ летучій;
 Тихо все было, только меня
 Радовалъ чей-то голосъ пѣвучій,
 Сладкія рѣчи слушала я.
 Колоколъ звонкій зналъ ли въ обитель?
 Люди ли пѣли? въ полѣ ль свирѣль?
 Нѣтъ; то былъ добрый ангелъ хранитель,
 Ангелъ хранившій мою колыбель.

Помню, потомъ я стала невестой;
 Съ юношей пылкимъ, часто вдвоемъ
 Мы удалялись къ роцѣ, безвѣстной
 Людямъ нескромнымъ; темнымъ патромъ
 Стлалась надъ нами тѣнь сикмора,
 Сладко сливались наши уста;
 Помню я пламень дружнаго взора,
 Рѣчь, будто шопотъ пальмы листа.
 Мы разставались: вновь утѣшитель
 Мнѣ одинокой пѣжю шепталъ;
 То былъ мой добрый ангелъ хранитель:
 Радость свиданья онъ обѣщалъ.

Матерью юной скоро я стала,
 Помню подъ мирнымъ кровомъ моимъ,
 Какъ я малютокъ милыхъ ласкала!
 Какъ наслаждалась счастьемъ свѣтымъ;
 Дѣти довили съ смѣхомъ невнимнымъ

Падавшій съ древа фиговый плодъ,
Рыво бросали царь апельсинный.
Я улыбалась нѣжно, но вотъ
Кто-то неаримый, слышу, мнѣ шепчетъ;
Я оглянулась ... дѣти молчатъ ...
Въ рощѣ лимонной птичка ль щебечетъ?
Рыбарь поетъ ли? волны ль звучать?
Нѣтъ; то былъ голосъ благовѣститель
Радостно сердце спѣлося съ нимъ;
То былъ мой добрый ангелъ хранитель,
Ангелъ счастливымъ счастьемъ моимъ.

Время катилось; я устарѣла;
Жизнь доживаю грустно одна;
Волосъ не вытѣся мой восхвѣдлый;
Щеки поблѣкли; грудь холодна.
Грѣетъ старуху пламень трескучій
Въ хижинѣ бѣдной; я сторожу
Пару овецекъ, только созвучій
Прежнихъ; а въ сердцѣ не нахожу.
Слышу, какъ будто мой утѣшитель
Что-то мнѣ шепчетъ тихой порой;
Это мой добрый ангелъ хранитель,
Далитъ онъ горе, слезы со мной.

Я. ЩЕТКИНЪ.

ЦВѢТНИКЪ.

Утромъ, когда на востокѣ слезаясь съ
золотомъ пурпуръ,
Пышный коверъ разстилаютъ для солнца
и солнце восходитъ:
Я поспѣшаю въ цвѣтникъ ароматный,
гдѣ ссыпаны краски
Радужной кучой; гдѣ роза алѣетъ, обрыз-
нута блескомъ
Зерекъ росистыхъ; гдѣ нѣжно склонилась
головкой лилея,
Вѣлый цвѣтокъ Гавриила, гдѣ яхонтъ
красавицы утра
Ярко пунцовую звѣздку красавицы ночи
смѣняетъ;
Гордо поднимаютъ тюльпаны свои поло-
сатыя чаши;
Маки махровые, будто шары разноцвѣт-
наго снага,
Брошены въ яркую зелень; вотъ розо-
вый съ синимъ гортензій
Полнитъ клубами кошицу.... люблюсь
я этимъ слянемъ
Неба отѣнковъ съ побѣгами праха, и
сердца подруга,
Вѣчнад спутница жизни, мечта моя, въ
долящую область

Міра угасшаго мнится, и вотъ, привела,
она Флору!
Дивна краса этой вѣшней богини! Я ви-
жу, какъ шелкомъ
Къ персамъ лилейнымъ текутъ ея локо-
новъ пышныхъ разливъ;
Вижу, какъ свѣтлыя очи играютъ; заря
молодая
Дышитъ въ прозрачныхъ ламитахъ, а бѣ-
лая ручка стыдливо
Стройнаго стама красу обвиваетъ воздуш-
ною тканью.
Легкій эфеиръ поманилъ эту дивную
нимфу, и тщетно
Прочь отъ него красота убѣгала: на рѣз-
выхъ крылахъ онъ
Гордую скоро догналъ, разукрасилъ цвѣ-
точной гирляндой,
Розаны свилъ для ея діадемы и, полный
цвѣтами,
Рогъ изобилія въ руку вложилъ ей, и
стала богиней
Нимфа красавица, стала подругой воздуш-
наго бога.
Долго въ Элладѣ и Римѣ народы ей жер-
твы курили;
Въ честь ея игры свершались; но минуло
чудное время!
Рушился жертвенникъ, пали во прахъ ея
храма колонны.
Нѣтъ ужъ богини! и грустно взглянулъ
я на пестрое царство....
Что же! богиня цвѣтовъ мнѣ явилась
изъ сѣни душистой
Призракомъ дивнымъ, и ласково, нѣжной
улыбкой и взоромъ,
«Здѣсь я!» она говорила; дыханье ея на
крылахъ золотистыхъ
Мнѣ мотыльки доносили; рѣзвился эфеиръ
перелетный,
Страстно лобзал воздушную нимфу, кра-
савицу Флору.
Я. ЩЕТКИНЪ.

ИЗЪ ЧАЙЛАДЪ-ГАРОЛЬДА.

Къ морю.

Ахъ! если бы я могъ отъ смертныхъ
отложиться,
И съ добрымъ Геніемъ въ пустынь дни
вести;
Дѣлать досуги съ нимъ, душою съ нимъ
сдружиться,

И къ ближнимъ ненависть отъ сердца
отвести!

Тамъ страсти бурныя и суеты мірскія
Не волновали бы моихъ забытыхъ дней.
Ужель не властна ты, державная стихія!
Ты, породившая восторгъ въ груди моей,
Переселить меня въ заветный край же-
ланій?

Иль обольщенъ мечтой, я все создалъ
Приюты тайные, мѣста очарованій,
И Геніями ихъ по волѣ населялъ?
Ахъ! ежели они въ семь міръ обитаютъ,
То къ кругу своему насъ рѣдко приоб-
щаютъ!

Отрады для меня дремучія дуб-
равы,
Картины дикія побережія морей;
Есть съ берегомъ морскимъ бѣды ве-
личавы,
Утѣхи тайныя — въ мелодіи зыбей.
Я близкаго люблю, — природа мнѣ
милѣ,
Душой сливаюсь съ ней; забывъ чѣмъ
нынѣ я,
И чѣмъ былъ некогда, я чувствую
живѣе
Все то, что выразить и скрыть впол-
нѣ нельзя.

Клуби, волну, пучина-море!
Хребты лазоревыхъ зыбей!
Пусть тщетно на твоёмъ просторѣ
Текутъ станицы кораблей.
Рука губителя покрыва
Грядой развалинъ сонмъ земель:
Но водъ твоихъ не возмущила,
Ты тотъ же, Океанъ! досель.

На зыбкой влагѣ всѣхъ крушеній
Ты былъ виновникомъ одинъ:
Нѣтъ и слѣда опустошеній
Руки смертныхъ среди твоихъ пучинъ.
Тѣнь человека чуть мелькаетъ
И зыблется твоей волной,
Когда онъ въ безднѣ угощаетъ
Подобно каплѣ дождевой,
Тамъ безъ могилы, не обнятый
И саваномъ, лежитъ забытый.

Его слѣды среди зыбей
Безъ впечатлѣній исчезаютъ;
И степи влажныхъ морей
Подъ власть его не подпадаютъ.
Воспринимъ въ гнѣвъ, и его
Далече отъ себя отринишь;

Иль дерзновеннаго изреченіе
Съ пренебреженіемъ на дно.

Взыграешь ли? — и съ волнѣ на волны
Его мчишь съ пѣпой къ облакамъ,
Потомъ, бросаешь, силы полный,
Трепещущаго къ берегамъ,
Гдѣ пристань, цѣль его желаній,
Ему видна, его манитъ!
И послѣ страшныхъ изгнаній,
Тамъ — посинѣлый трупъ лежитъ.

Рядъ мощныхъ кораблей, какъ стая
Китовъ огромныхъ на волнахъ,
Несется, громомъ поража
Цвѣтущи грады на брегахъ-
Народамъ возвыщаетъ горе,
И цѣпи на владыкъ несётъ:
Но для твоихъ порывовъ море!
Игралище — несмѣтный флотъ!
Его въ обломки раздроблешь,
И съ пѣпой бѣлой зарываешь
На вѣкъ въ пучину горькихъ водъ:
Такъ Трафальгара и Армады
Исчезли грозныя громады.

Твоя побережія — Державы,
Ихъ измѣнилъ полѣтъ времени;
Твои же бездны величавы
Не измѣнились, Океанъ!
Гдѣ Греція, гдѣ Римъ цвѣтушій,
Ассирія и Карфагенъ?
Въ дни воли сихъ державъ могучихъ,
И позже, какъ въ позорный плывъ
Онъ вдалился, забывъ дни славы,
Ты омывалъ ихъ рубежи!
Судьбою роковой — державы
Въ пустыни преобразены!
Но ты, въ теченіи, тихомъ, бурномъ,
Все тотъ же, мощный исполнень
И на челѣ твоёмъ лазурномъ
Вѣка не провали морщинъ.
Какимъ ты былъ въ день мірозданья,
Таковъ и есть . . .

Ты зеркаломъ Творцу вселенной
Сіяешь, Океанъ! среди бурь.
Въ спокойномъ лонѣ, разъяренный,
Свѣтла-ль, мрачна-ль твоя лазурь,
Оковы льдяныя нослщій,
Подъ знойнымъ небомъ ли, кипящій,
Всегда могучъ, неизмѣримъ;
Ты образъ вѣчности являешь,
Престоломъ Божества сіяешь;
Течешь, одинъ, неодолимъ.

В. В - СКІЙ.

ПРОЗА.

КАНУНЪ НОВАГО ГОДА.

(ПОДРАЖАНІЕ САФИРУ).

Канунъ новаго года, точь въ точь насѣдникъ: съ «наличнымъ» выраженіемъ печали стоитъ онъ у гроба стараго года, и радостно поглядываетъ на закрытый ларчикъ новаго. Одной рукой закрываетъ глаза старому году, а другою хотѣлъ бы уже открыть ларчикъ, и поглядѣть, что въ немъ. Четыре спутника года: весна, лѣто, осень и зима опускаютъ гробъ стараго года въ могилу и спѣшатъ на крестины новорожденнаго.

Мгновеніе, самое приличное серьезнымъ и вмѣстѣ веселымъ размышленіемъ, это канунъ новаго года, — страница газеты, гдѣ за извѣстіемъ объ умершихъ, тотъ часъ же слѣдуютъ новорожденные.

Нѣкто, читая газеты, нашелъ страннымъ, что при умершихъ всегда означено, какихъ лѣтъ и отъ какой болѣзни скончались они; при новорожденныхъ же никогда не означаютъ, на сколько лѣтъ и для какой глупости или болѣзни родился. О, тутъ глубокій смыслъ!

Какъ старъ и отъ какой болѣзни умеръ старый годъ, всѣ мы знаемъ; но съ какими нравственными болѣзнями родится новый, къ сожалѣнію никто не знаетъ; а между тѣмъ, мы поздравляемъ другъ друга, съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ. Человѣку, впрочемъ, сулятъ счастье даже въ день рожденія....

Вообще, эти желанія — злая иронія! Ужъ какъ усердно мы сокращаемъ даже собственныя наслажденія, пересаживаемъ свои радости, а другъ другу еще усерднѣе, въ продолженіе цѣлаго года, подсылаемъ горечи, изъ блага дѣлаемъ «черный годъ»; а пришелъ новый, опять — «съ новымъ счастьемъ!» или это врожденная глупость, или величайшая тайна! Счастье не дается намъ — и мы его желаемъ. Ну почему бы не пожелать новаго аппетита, новаго сна, и тому подобныхъ сбыточныхъ вещей? — Такъ вѣтъ, счастья н — только счастья!

Такъ разсуждалъ я, держа въ рукахъ бокалъ шампанскаго, оглушенный громкимъ тушемъ оркестра, при батальномъ

чоканъ бокаловъ, раздавшемся въ огромной и многолюдной залѣ съ первымъ ударомъ 12 часовъ на канунъ новаго года.

Старичекъ сосѣдъ, съ улыбкою на всѣхъ насъ поглядывавшій, и видно слупавшій мош выходки, вотъ что наскзалъ мнѣ дорогою, когда мы шли съ нимъ съ праздника домой.

Вѣра, трудъ, разумъ, деньги и счастье—это пятиструнная арфа, которою легко запастись всякому. Стоитъ лишь натянуть первую струну, потомъ вторую, потомъ третью—двѣ остальныя какъ-то сами приходятъ; а всѣ пять чудесную симфонію жизни разыгрываютъ. На бѣду нашу мы начинаемъ на выворотъ, — настраиваемъ перво-на-перво счастье, и разумъ идетъ «высоко»; да послѣ какъ отанемъ въ его тонъ натягивать остальныя струны: деньги, разумъ, трудъ, даже вѣру, смотришь—хлопъ да хлопъ! такъ и рвутся; только Вѣра выстаиваетъ до могилы; а счастья нѣтъ какъ нѣтъ! Кого же винить? Вѣра охраняетъ человѣка отъ бурь съ верху — съ неба; трудъ и разумъ закрываютъ его отъ бурь земли; деньги—навозъ, изъ котораго при первыхъ трехъ хорошо растутъ земныя цвѣтки счастья.

Но какая разниа между Вѣрой и разумомъ: разумъ—цвѣтокъ безъ стебля, его нигдѣ нельзя посадить; но вѣра — цвѣтокъ съ вѣчно зеленымъ стеблемъ, его можно крѣпко посадить въ сердце. Разумъ требуетъ еще всегда чего-то другаго, а вѣра сама себя удовлетворяетъ.

Разумъ живетъ въ головѣ; голова большой открытый домъ: черезъ уши, глаза и все другое, идутъ къ нему большія дороги; тамъ вѣчный шумъ и говоръ, а гдѣ шумъ, тамъ счастья нѣтъ. Но вѣра, тайникъ нашего сердца: къ ней ведетъ одна только дорога, — изъ сердца, и одна изъ нее,—въ небо.

Вѣра, келья души; когда человѣкъ, рыскающій за счастьемъ, истратитъ всѣ небесныя и земныя свои сокровища, только

въ ней онъ можетъ, и тогда еще, найти истинное счастье—миръ.

Рѣдко, довольно рѣдко, прибавилъ старичекъ,—находятъ люди этотъ пятилистникъ: вѣра, трудъ, разумъ, деньги и счастье на одномъ стеблѣ; онъ встрѣчается большою частію у людей въ различныхъ сочетаніяхъ и поддѣлкахъ. Иной, у кого есть деньги, думаетъ къ своему счастью, что имѣетъ и умъ; о другомъ, имѣющемъ умъ, думаютъ къ его счастью, что онъ имѣетъ и деньги. Деньги, счастье, умъ, чудная тройчатка! Много надобно денегъ чтобы ими покрывать всѣ глупости ума и когда либо сдѣлаться счастливымъ посредствомъ ума; большое нужно счастье чтобы умомъ добыть много денегъ, и при томъ надобно много ума чтобы сдѣлать счастье за деньги.

Умъ ведетъ къ сознанію, деньги даютъ имѣніе: знать у себя имѣніе—для многихъ составляетъ величайшее «сознаніе». Человѣкъ съ умомъ то, что онъ есть, человѣкъ съ деньгами—то, что онъ имѣетъ.

Деньги даютъ чистую монету на ассигнаціи, умъ ассигнуетъ на чистую монету. Пока человѣкъ живъ, люди неохотно приписываютъ ему умъ, еще не охотнѣе, разумъ или духъ; но какъ только умираетъ, говорятъ о глупѣйшемъ человѣкѣ: онъ испустилъ духъ. Право, большая задача, испустить то, чего не имѣешь. О богатомъ покойникѣ слѣдовало бы говорить: «онъ испустилъ деньги!»

Безъ денегъ, безъ жены, и безъ зубовъ приходимъ въ свѣтъ; безъ денегъ, безъ жены и безъ зубовъ оставляемъ свѣтъ. Чтожъ мы дѣлаемъ въ свѣтѣ? Получаемъ зубы, добываемъ деньги, достаемъ женъ. Это ли все назначеніе человечества?—Ну! да не о томъ дѣло. Пока «дѣлаемъ» зубы, живаемъ деньги и жену, насъ мучатъ воспалительныя лихорадки; но когда получимъ наконецъ зубы, имѣние и жену въ боли и мученіяхъ, тогда они насъ мучатъ. Худшее

не то, что надобно ихъ выдернуть, заложить или бросить; худшее, когда они «слабы» и грозятъ ежеминутно «пасть»!

Зубы приходятъ сами; но деньги приходятъ или за женой или жена приходитъ черезъ деньги. Если деньги придутъ за женой, жена убьетъ деньги; придетъ жена за деньги? жену убьютъ деньги. Кто женится на богатой, владеетъ вдругъ четырьмя сокровищами: вѣрой, счастьемъ, деньгами и умомъ т. е. она имѣетъ деньги и умъ, или лучше — умные все дѣлать поперекъ, а онъ вѣритъ, что это счастье, и счастье его, если только онъ вѣритъ. Деньги, умъ и счастье, — прибавилъ старичекъ, давая глубокий смыслъ своимъ словамъ — предметы достойные всякаго уваженія. Деньги — истинный умъ счастья, счастье — умъ денегъ, а денежный умъ — великое счастье! И, напримѣръ, охотнѣе разговариваю съ милліонщикомъ нежели съ умнымъ человѣкомъ; когда долго говорю съ великимъ человѣкомъ, стыжусь какъ-то своего ума; но когда разговариваю съ милліонщикомъ, думаю: пусть стыдятся карманы мои, я вѣчемъ виноватъ. Но за то съ людьми, имѣющими только деньги, бѣда: на минуту не можешь знать, какъ съ ними говорить и какую оказать имъ честь. Если, напримѣръ, говорю съ милліонщикомъ и дѣлаю ему милліонный поклонъ, — это поклоны, при которыхъ кланяешься такъ глубоко, что наконецъ заглянешь въ глубину кармана, а между тѣмъ, какъ я ему кланяюсь, быть можетъ, чужой умъ, чужая жена украли уже милліонъ его, и я поклонился только видѣнію милліона.

Говорятъ, деньги ворочаютъ свѣтомъ — не правда. Тѣ, у кого много денегъ, обыкновенно все мало знаютъ, а свѣтъ — еще меньше, и вертятся вмѣстѣ съ нимъ, не зная сами куда.

Вообще не надобно ошибаться въ смыслъ пословицъ; напримѣръ говорятъ «Счастье поправить глупость»; это значитъ, черезъ счастье она сдѣлается еще

«лучшею» глупостию. Какъ можетъ счастье поправить глупость, когда счастье не глупость, а глупость — сама уже счастье. Домъ умалишенныхъ по моему мнѣнію домъ счастья; счастье уже что имъ строить домъ; вѣдь умнымъ людямъ никто не строитъ домовъ. Каждый домъ умалишенныхъ вообще не что иное, какъ каменный комплиментъ, который люди сами себя выстраиваютъ; увѣряя себя взаимно, что кто не въ немъ, тотъ умный человѣкъ. Счастье, прибавилъ старичекъ помолчавъ немного — доставляетъ намъ деньги, но ума не можетъ доставить, въ томъ то и счастье! Счастье не можетъ также дать намъ Вѣры, потому что счастье вѣритъ только въ себя. Только несчастье рождаетъ умъ, счастье часто убиваетъ умъ и Вѣру. Навѣрное болѣе талантовъ погребено золотыми горами, нежели бѣдностью, и больше ума утонуло въ шампанскомъ нежели въ слезахъ. Вѣра какъ терновникъ, растетъ только подъ громовыми ударами. Только тогда когда потемнѣетъ Господь земную нашу клѣтку и мракомъ завѣшнваетъ ее, лишь тогда слышимъ мы небесную гармонию. Въ скорби, только при концѣ жизни постигаемъ мы величіе небесной Вѣры, какъ и солнце показывается великимъ, только при закатѣ. Вѣра узнаетъ отъ жизни, что смерть ничто, а отъ смерти, что здѣшняя жизнь ничто; но счастье огорчаетъ нашу жизнь мыслию о смерти, и смерть — мыслию о жизни, праздно погубленной. Между Вѣрой и счастьемъ стоятъ трудъ и разумъ и стараются примирить враждебныхъ. Въ каждомъ сердцѣ скороненъ кладъ Вѣры и любви, многіе не знаютъ только волшебныхъ словъ, или зная не хотятъ потрудиться, поискать, и кладъ не дается имъ. Но человѣкъ владеетъ трижды тремя волшебными прутиками, съ которыми могъ бы овладѣть въ груди своей кладомъ Вѣры и счастья. Три въ природѣ: *прошедшее* для повѣрки себя, *настоящее* для познанія себя и *буду-*

еще для боязни о своей будущей жизни. Три *въ себѣ*: Вѣру для жизни, надежду для смерти и любовь для счастья собратій, безъ котораго нѣтъ и намъ счастья. И три еще въ трудѣ т. е. въ *искусствѣ*; это три воспоминанія для внутренняго человека: живопись представляетъ предметъ, и черезъ него вливаетъ вдохновеніе; музыка, вливающая вдохновеніе, черезъ него представляетъ предметъ, и поэзія, гдѣ вмѣстѣ — и вдохновеніе и предметъ. Искусство — первородная дочь Чувства: и оно столько же сдѣлало для Вѣры, сколько Вѣра для него. Оно дитя счастья; каждое искусство уже счастье; а счастье — также искусство, и безъ большаго труда и упражненія не дается. У насъ столько книгъ теперь объ искусствѣ счастья и счастливыхъ искусствахъ. Напримѣръ, объ искусствѣ обходиться съ людьми, — что во-все не искусство; съ людьми легко обходиться; напишите книгу объ искусствѣ обходиться съ вельюдьми, съ безчеловѣчными! Пишутъ и объ искусствѣ продолжать жизнь человѣческую, что все таки не такое искусство, какъ продолженію жизнь сдѣлать человѣчески-сносною; или хлопчутъ объ искусствѣ показывать спокойствіе во всѣхъ положеніяхъ жизни: это опять не искусство; сохранить терпѣніе, и только черезъ него спокойствіе при всѣхъ нескладностяхъ человѣческой жизни — гораздо большее искусство.

Часто случается читать: «объ искусствѣ быть счастливымъ съ женщинами.» Признаться, если и это искусство, то оно по крайней мѣрѣ «не свободно!» Къ тому же, быть счастливымъ съ женщинами, со всѣми женщинами, во-все не искусство, а просто, потерянный трудъ; истинное искусство, быть счастливымъ съ одной женой, съ своей женой. Нѣкоторые правила этого искусства весьма забавны: такъ напр. говорить: «счастливейшія мгновенія въ любви, пока влюбленные еще взаимно не-

открылись.» Я самъ думаю: что счастливейшія мгновенія именно тѣ, когда любовники еще не открыли другъ друга и одинъ о другомъ не знаютъ, существуетъ ли онъ на свѣтѣ. Далѣе продолжаютъ весьма прозаически: «красота пройдетъ, — червонцы останутся.» О сердцахъ и рѣчи нѣтъ; да и къ чему оно? Хорошее замѣчаніе, но вѣдь хуже, когда красота останется, а червонцы пройдутъ. Червонецъ безъ красоты, — всегда еще получервонецъ красоты; красота безъ червонца, даже не — полукрасный червонецъ! Далѣе говоритъ сочинитель: «во всякомъ несчастливомъ супружествѣ, мужчины изъ десяти разъ вѣрно девять разъ виноваты.» И я того же мнѣнія, мужчина девять разъ виноватъ: разъ, что влюбился въ красоту или въ червонцы, другой, что приблизился; третій, что объяснился, четвертый, что просилъ взаимной любви, пятый, что вѣрилъ, шестой, что просилъ руки, седьмой, что обручился, восьмой, что не тотчасъ же раскаялся и въ девятый разъ, что женился только на красотѣ или на червонцахъ; и такъ согласитесь, въ каждомъ несчастномъ супружествѣ мужъ девять разъ виноватъ.

Въ заключеніе всего искусства повторяютъ: «даже буря домашняя пріятна; гроза освѣжаетъ природу.» Истинно и прекрасно! Такая домашняя гроза, въ которой жена гремитъ, а глупый мужъ стоитъ разбитымъ пнемъ, чудно освѣжаетъ природу, — но для этого нужна здоровая природа!

Думаю, что счастье супружества зависитъ отъ совершенно таинственной симпатіи.

Богъ не тотчасъ создалъ полнаго человека, но только мужчину, и взирая на мужчину видѣлъ, что недобро.... мужчина сталъ полнымъ человекомъ, получивъ себѣ подругу; и вотъ явилось другое существо: на ланитахъ его двѣ розовыя почки, въ очахъ двѣ звѣзды, въ устахъ — жемчугъ съ глубины морской; и въ сердцахъ Долова арфа: любовь,